

Как исследователь-немец узнал

ЭТО БЫЛО ПОХОЖЕ НА НОВОГОДНЕЕ ЧУДО! НАША ЗЕМЛЯЧКА НИНА ПОПОВА

Вот какое письмо отправила Нина Попова нам по электронной почте:

«У МОЕЙ МАЛОЙ родины есть только прошлое - такое богатое уникальное и неповторимое. А настоящее - это безмолвное дно водохранилища Богучанской ГЭС. В будущем возможны только Поклонные кресты.

В какой-то отрезок времени мне казалось, что о прошлом вспоминают, пишут и рассказывают ангарцы старшего поколения. И это история их времени жизни, их дедов и прадедов. У них есть обида и печаль за утрату родной сторонки, воспоминания о счастливой жизни. У моего поколения - сожаление: как мало мы знаем о жизни предков, даже не можем составить родословную дальше трёх-четырёх поколений, не можем передать традиции предков, устои, обычаи детям и внукам. А спросить уже и не у кого. Наши родители стремились жить по-новому, по-советски. Вот и прервалась ниточка между прошлым и будущим.

Последние годы я всё чаще встречаюсь и общаюсь с ангарцами - ровесниками моих детей и чуть старше. Они другие.

Когда стало заполняться водохранилище, и моя малая родина деревня **Проспихино** скрылась под водой, последний глава поселения **Андрей Николаевич Виктор** установил скамеечки на Толконе. Установил у дороги, которая выходила к аэропорту («сороковой километр» или «зимнику»), у дороги в Абаканчике. И прикипевшие душой к этим местам люди могли присесть, вспомнить, попрощаться...

Отец Андрея - **Николай Васильевич** - коренной ангарец, родился в деревне Костино на Кове. Мама **Тамара Викторовна** родом из Читинской области. Уроженец Проспихино **Степан Семёнович Черных** продолжил традиции енисейских купцов-мещанов, которые строили православные храмы по берегам почти необжитой величавой Ангары. Его родители - тоже коренные ангарцы, верховские. Мама **Валентина Степановна** родилась во Фролово, отец **Семён Васильевич** - из соседнего Усть-Илимского района. С Божьей помощью возведён храм в честь **Матроны Московской в Заледеево**, величественно возвышается среди тайги храм в честь **Георгия Победоносца на Чадобце** и ожидается строительство храма в **Яркино**.

О том, что в деревне **Кода**, где я родилась и пошла в школу, тоже была церковь, я узнала из воспоминаний **Галины Кирилловны Пеннер**. Мне уже было далеко за пятьдесят.

Благодаря современным информационным технологиям можно сделать много открытий, если, конечно, к этому есть интерес.

Однажды я получила сообще-

ние от **Василия Петровича Евстифеева**. Его родители из ссыльных семей. Мама **Альбина Валентиновна Богоутдинова** (отец из татарской семьи) родилась на плотбище **Яшкино по речке Кода**. Семью бабушки отца **Петра Васильевича Евстифеева** привезли на плотбище **Толукно**, она была родом из **Тамбовской области**. Семья дедушки попала на плотбище **Ёрма**. Она в Сибирь приехали во времена **Столыпинской реформы** (по национальности - эстонцы).

В сообщении **Василия Петровича** речь шла о путешествии немца на русской службе **Иогана Георга Гмелина** в 1738 году по Ангаре в составе **Второй Камчатской экспедиции**. Оставаясь на службе с жалованием 1000 рублей в год, он уехал в Германию. **Ломоносов и Миллер** выступили поручителями. За невыполненные работы у немца образовался долг 725 рублей, который возместили поручители. Гмелин всё вернул.

В Германии он издал четырёхтомник «Путешествие по Сибири» на старогерманском языке. Русское правительство отказалось от перевода, так как он несласно отзывался о власти на местах. Сейчас есть переводы отдельных частей, их сделали учёные для своих работ и диссертаций. Описание путешествия по нашему району никто не перевёл, а прошло почти 300 лет.

За изучение немецкого языка в Проспихинской средней школе в моём аттестате - «отлично» благодаря замечательному учителю **Галине Филлиповне Посысаевой**. Но я смогла прочитать только отдельные слова работы, в основном - названия.

...С Ангары я уехала в 1974 году, но судьба меня сводит всё чаще с земляками, которых не знала раньше. Среди них удивительный человек - **Людмила Васильевна Привалихина**. Первое воспоминание о родине, которое я прочитала, написала она. **Людмила Васильевна** по линии отца ангарка (**Колпакова**, фамилия одних из основателей **Проспихино**), а по матери - немка.

Людмила Васильевна рассказывает:

«Родители моей мамы проживали в Поволжье, недалеко от г. Энгельс. Дед бабушки, **Корнелиус Фаст**, родился в Кёнигсберге в 1829 году. Его первый сын, отец моей бабушки **Герман**, 1864 года рождения, женился на **Маргарите Шмидт**. И у них было девять детей, старшая - моя бабушка **Мария Германовна**, 1890 года рождения. Она вышла замуж за **Якова Яковлевича Пеннер**, и у них было семеро детей, мама - третий ребенок. Когда семья Пеннер жила в Поволжье, дед являлся настоятелем местной общины, за что был арестован и помещен под стражу. Но его прихожане вызволили деда под видом умершего.

В те годы в Поволжье случи-

лась засуха и голод. Это и предшествующие события вынудили семью покинуть свою деревню и переехать в Ленинградскую область, где жила старшая дочь. Шел 1929 г. Бабушка занималась семьей, а дед работал на вывозке леса, на лошадях, а также в конторе кирпичного завода, а перед войной - в колхозе деревни **Овцино** счетоводом. В июле 1941 г. увезли его прямо с работы, и больше семья его не видела.

18 марта 1942 г. началась эвакуация в Сибирь. До Ленинграда семья шла 18 км пешком, там моих родных загрузили на машины и повезли через Ладожское озеро. Было страшно, так как несколько машин ушли под лед на их глазах. Дальше всех посадили в товарные вагоны. До города **Канска** ехали больше месяца. Затем на лошадях семью бабушки перевезли в **Стрелку на устье Ангары**. До конца ледохода (то есть до июня) жили в Стрелке, а потом на илимках за катерами поднимались по Ангаре.

22 июня 1942 года они выгрузились согласно раснарядке в д. **Кода Кежемского района** для постоянного жительства и трудоустройства в **Кежемский леспромхоз**.

Старшие дети, **Елена и Иоганна**, получили работу в лесу. **Яков** стал подсобным рабочим у завхоза, **Эрна** пошла в школу во второй класс, а **Анна** была больна, потому оставалась с матерью дома. Через некоторое время **Елену** (это моя мама), направили преподавать немецкий язык в школе в **Кодинской Заимке**. А потом маму, **Елену Яковлевну**, перевели в **Проспихинскую школу**. Жить её определили в семье **Колпаковых**, моих будущих бабушки и деда. Мама вышла замуж за их сына **Василия**, несмотря на препятствие властей, запрещающих ему жениться на женщине, которая находится под комендатурой.

В 1969 г. умерла наша стойкая, наша замечательная **GrosMAMA**, наша мудрая **ОМА**. Так нам разрешалось её звать, так все звали её в деревне. Хоронили ОМУ всей деревней, печаль была искренней. Почти в каждой семье остались какие-нибудь вещички, сделанные её руками. Она привезла с собой швейную машинку «Зингер», это спасало семью от голода. Шила, вышивала, мастерила, а сколько рукавиц и носков, связанных из шерсти **Пеннеровского Ребуса**, носили практически все родственники и не только...

Задолго до смерти бабушка начала искать братьев и сестер, которые были сосланы в различные регионы страны или направлены в трудовую армию. И только через месяц после её смерти в газете «**Noes Leben**» мы обнаружили заметку на её запрос. Нашлось очень много родственников».

...Когда я рассказала **Людмиле Васильевне**, какая у нас задача -

перевести воспоминания **Иогана Георга Гмелина** о путешествии по территории, ставшей потом **Кежемским районом**, она спокойно ответила: «Попробуем». Не прошло и двух недель, звонок: «Я сейчас отправлю перевод!» Это было похоже на чудо!

■ Хильда Рудольфовна Фохт

Одна из многочисленных родственниц **Людмилы Васильевны**, которых судьба раскидала не только по стране, но и по миру, живёт в Германии. Это **Хильда Рудольфовна Фохт**. Она родилась и долго жила в Казахстане. Несколько раз приезжала к своим родственникам на Ангару и в Лесосибирск. В связи с известными событиями в Казахстане уехала в Германию. Однажды в музее экскурсовод, показывая какой-то текст, сказал, что его уже никто не прочитает. Хильда подошла и бегло прочитала, не имея никакого специального образования. В её память и сохранилось то, что уже давно утрачено на территории Германии. Она с удовольствием и интересом успешно справилась и с нашей задачей.

Я думаю, ангарцы, прочитав описание, узнают много нового и интересного и будут благодарны Хильде. Авторские права на перевод защищены на специальном сайте. Вот так проспихинцы, объединившись, сделали важную и нужную работу».

Из мемуаров Иогана Георга Гмелина в 1738 году по Ангаре (Верхней Тунгуске)

«...А в остальной река в этой местности уж примерно так ши-

■ Иоган Георг Гмелин

рока, как приток Лены **Олёкма**. И если дует ветер даже средний, то уже идут сильные волны. Мы попали во многие непредвиденные ситуации, потому что не были знакомы с ними. Нашим рабочим ветер доставил немалые хлопоты, наши средства передвижения получали толчки, кот орые были вызваны волнами, точно так же и мы; уже после полуночи прибыли в Кежемскую слободу.

17-го августа мы должны были довольствоваться тем, что весь день лежали. Ветер все ещё бушевал. Но это было терпимо, потому что мы находились в довольно-таки сносном населённом пункте. В этом селе более двадцати четырёх крестьянских подворий, и не было какого-либо недостатка в продуктах питания. Слобода расположена на слиянии с притоком **Большая Кежма**, от которого шесть верст выше места впадения копают железную руду, из нее выплавляют отличное железо. Руду и дело находят в не особенно больших монолитных гнездообразных образованиях. Они лежат на поверхности и редко заполняют собой квадрат со стороны вышедшей двух саженей. Глубина равна примерно одному аршину, при этом месторождение перемешано с мелкими камнями. Насколько мы задержались на этом участке, столько люди здесь были в подпитии. Это были последствия предыдущего дня, когда они пили церковное пиво.

(...) Здесь мы и узнали, что всё ещё продолжают розыски **тунгусов**, чтобы доставить их в Илимск, именно их считали зачинщиками беспорядков. Я вообще не могу себе представить, чтобы эти люди, которые иногда и подавали знаки своей суровости, что-то злое против правительства замыслили. В этом случае нет ничего более простого, как их усмирить. А если их, невиновных, арестовать и в заключении оставить, так это в самом деле может послужить гибели целого народа. Как потом и скажут, что илимские тунгусы уже далеко и не та многочисленная народность, какая была раньше. *

В этот, как и в предыдущий день, почти постоянно шёл дождь. 18 августа в шесть часов утра ветер показался нам более благоприятным, и поэтому мы пошли дальше. Едва мы проехали двенадцать вёрст, как должны были опять пристать к берегу. Мы несколько часов пролежали, ярость ветра успокоилась. Опять тронулись, и на расстоянии шестнадцати вёрст от Слободы на правом берегу пред нами увидели **Игренок мых**. И две версты спустя мы прибыли к **Игреновой шивере**, пять вёрст далее - к **Генкиной или Мошниной шиверам**, которые обе простирались на всю ширину реки. Первую из них и при спуске, и при подъёме вверх проходят с правой стороны. Фарва-

ВСЮ МОЩЬ СИБИРСКИХ ШИВЁР

ПРИСЛАЛА В РЕДАКЦИЮ «СП» УНИКАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

тер сильно изогнут, но камни не слишком велики. Другую при спуске проходят с левой, при подъёме же - с правой стороны. Шестнадцать вёрст далее подошли мы к большому острову, длину которого оценивают в двадцать четыре версты. Его зовут Тургенев, или Васильев остров. На верхнем его конце находится Васильева заимка, а на нижнем - Никитина деревня. Около шести вёрст ниже верхней окраины названного острова увидели мы на левом берегу заимку Никифора, и у этого селения самое немалое достоинство есть. У него есть одна примета, которую не сразу заметишь в селении, - в виде коровы.

Уже после захода солнца, примерно восемь верст ниже Васильева острова, прошли мы вниз по левой стороне Курейскую шиверу (при подъёме же надо держаться правой стороны). Около девяти часов вечера стояли мы два часа выше Аплинского порога, потому что лоцманы не решались спуск совершить ночью. Почти весь день шел дождь, и было почти без солнечного света. Вечер обещался быть чуть получше; небо посветлело, но холод пронизывал.

19 августа до восхода солнца мы сразу тронулись в путь и за короткое время удачно прошли вниз по этому «водопаду». Только мой транспорт правой стороной столкнулся с утесом, но ни малейшего ущерба не получил. Плавание в начале было быстрым, и вдоль правого берега тянулась отвесная и голая скала. И при подъёме вверх её и не миновать. «Водопад» не так уж и глубок, и волны совсем мелкие. Только мы прошли этот порог, как нам встретилось два поднимающихся вверх судна, и в этот же день до обеда - ещё четыре других. Четырнадцать верст ниже этого порога - Горохова шивера, которая тянулась непрерывно две версты. Мимо неё мы прошли правым берегом, по которому проходят и при движении вверх.

Шесть верст далее мы достигли Ковинскую. Тем самым мы добрались до первого селения Енисейской губернии. За селом видна большая гора, называемая Ковинской. Она считается самой высокой на всей Тунгуске. Как раз напротив деревни мы должны были опять преодолеть шиверу (Ковинскую). Мы удачно прошли её с поселковой левой стороны. При низкой воде и при подъёме держатся этой стороны, при высокой же - правой. Шесть вёрст ниже деревни находилась Медвежья шивера. Примерно через четыре версты далее - Косой Бык, следом сразу - Балтуринская шивера.

Все три из них и при спуске, и при подъёме проходят северным берегом. Медвежья шивера недолгая, но из всех троих рокочет она громче всех. Чтобы точнее обозначить местонахождение Балтуринской шиверы, уточняя: сразу под нею с левой сто-

роны впадает приток Железная. Около четырех вёрст ниже этого притока с правой стороны расположен монастырь Кашинской. Несмотря на то, что ему должно быть не более сорока лет, выглядит он крайне неважно. (...) И на сегодняшний вкус при строительстве для духовенства можно было построить более лучшее. Вместо аббата здесь благочестивый эконоом, и с ним поднимают свои руки от трех до четырёх монахов.**

Основным источником доходов монастыря является железо, которое выплавляется из руды, добываемой у вышеназванного притока Железной. Около шести вёрст выше места впадения этого притока с левой стороны находится Яр, или высокий берег: высотой около двух маховых саженей, в глубине которого находится слой толщиной около полсажени, в основном состоящий из руды с некоторыми песчаными включениями округлой формы.

Вся руда этого слоя коричневого цвета, кроме того, что иногда некоторая в обычном порядке покрыта желтоватым слоем. Некоторая очень тверда, некоторая же - очень пориста. Другая так похожа на настоящую древесину, что ее почти невозможно отличить от оной, если не держать рядом одно с другим. И только по сучьям можно различить ее. Комья реже больше четырёх четвертей в квадрате, как и толщина слоя - не больше половины аршина должна быть. Впрочем, должен он простирается по горизонтали внутрь горы. И не без того, чтобы и в малом отклоняться.

Здесь, в монастыре, должны мы были взять себе лоцманов, чтобы спуститься вниз по Кашинной шивере. Но был только один единственный; за другим - послали, а третьего не было. Это сильно задержало нас. Препятствия лоцманы, что до этого были с нами, категорически отказывались без сопровождения местных лоцманов провести суда по этому опаснейшему месту. По крайней мере, не под их ответственностью. Второй лоцман, за которым послали и которого мы ожидали четыре версты ниже монастыря, долго не приходил.

Около пяти часов к вечеру, когда ещё не было другого лоцмана, мы с первым из них спустили одно судно. Между тем пришёл и другой, и повёл следующее судно. Первого лоцмана в это время отправили назад, чтобы провести третье судно, которое в сумерках, слава Богу, прибыло к остальным. Проезд был, в основном, по правую сторону реки. И прежде чем понасть на самую шиверу, нужно пройти самое опасное место, которое так мелко, что можно очень чётко видеть камни под водой. На шивере, или на скалистом дне, течение очень быстрое. Подниматься по ней так же тяжело, как и по Падунскому порогу.

С судна сгружают половину груза и, если вода высока, то держатся этого прохода, которым мы шли, при низкой же воде - левой стороны. На обеих сторонах нужны канаты длиной сто двадцать саженей, чтобы тянуть. Потому что рядом с берегом никакому судну не пройти.

До этого всё время шли правой стороной, и судна при движении вверх катили по течению. Канаты для волочения наматывали на ось, но при этом случалось много смертей. С теми, кто держал дерево, через перекручивание которого производился подъем судна, нередко случалось несчастье, когда судно не могло противостоять потоку. Его сносило вниз, и тянущих рикошетом насмерть сшибало деревом. Поэтому и множество крестов стоит у шиверы. У каждой могилы поставлен крест. Шивера не так и долга, но все же часто нужно три дня, чтобы пройти её против течения. Иногда удаётся при сильном ветре подняться наверх под парусами. Но когда соберётся несколько судов и между собой ругаются, кто может пройти первым, или когда последующие забирают ветер у первых, это частенько приводит к дракам.

У нас в этот вечер была сильная гроза. (...) Мы поехали дальше, и через семь вёрст, после того как прошли шиверу, подошли к Берёзовому острову. Его мы оставили с левой стороны и прошли протокой вдоль. У его нижней оконечности в фарватере есть порой скрытые под водой, но то и дело торчащие из воды острые камни, которые на местном наречии называют кармакульники. Проход это осложняет и приводит к неуверенности. Но нет другой возможности преодолеть этот участок: основной поток, что течёт с левой стороны острова, - такая мелкая шивера, что даже лодкой по ней невозможно пройти. Из-за чего она получила прозвище Глухая шивера (скальное основание без выхода).

Так как было не очень светло, то это стало причиной некоторых наших волнений. Но мы счастливо и без ущерба ночью прошли мимо Монастырской деревни. Мы уже спали, когда проходили мимо села Простихино (так и стоит в оригинале: Простихино - прим. переводчика).

Так 20 августа утром прибыли мы до Кодинской, и уже к обеду при чрезвычайно хорошей погоде - к Сыромолотову.

Четыре версты ниже упомянутой деревни природа показала нам что-то своеобразное на правом берегу Тунгуски - скалу, называемую Поп.

Выше, совсем рядом, из другой малой скалы вытекает солёный источник, который тут же вливается в Тунгуску, как будто она издала хотела людям показать, какие сокровища она в

состоянии дарить. Тем не менее, она это показывает не так уж и издали, чтобы нельзя было приблизиться. Окрестные крестьяне используют эту соленую воду для многих целей, когда необходимо что-либо засолить, и преимущественно же - к огурцам.

Семь вёрст ниже упомянутых скал была деревня Чадобская, где мы намеревались взять новых лоцманов. Был воскресный день, и в селе было шесть крестьянских дворов, но не смогли ни одного крестьянина найти дома, потому как, завидя наши суда, эти негодники исчезли из дому.

Мы из села взяли с собой восемь женщин, чтобы, может быть, из их мужчин хоть бы одного привлечь на суда. Но ни один не показался, и они себе просто представили, что мы этих женщин сами опять отпустим.

Мы уже миновали деревню Климова, которая лежит восемь вёрст ниже, но ещё ни один так и не объявился. Здесь мы с большим трудом нашли только одного единственного крестьянина, потому что остальные тоже дали тягу. Если бы мы и дальше не отпустили женщин, то судно, на котором они были, могло бы из-за веса осесть глубже и сесть на днище. Следовательно, мы их и отпустили.

Шесть вёрст ниже Климова на правом берегу - Медвежий ручей, а две версты далее по эту же сторону - Писанный камень, на котором ничего нет, кроме двух красной краской грубо нарисованных конных всадников.

Скалы этой же округи, как и той, выше Чадобской, состоят сплошь из вертикальных слоёв, и поэтому смотрелись очень редко.

Шесть вёрст ниже Писанного камня была Бузуканова заимка, выше которой мы перешли на левую сторону реки, чтобы удобнее и надёжнее пересечь небольшую шиверу, расположенную несколько ниже. Десять вёрст ниже мы прошли мимо деревни Мурская или Климова, которую из-за разбросанности за островами нельзя было увидеть. Мы должны были там

взять лоцманов, чтобы спуститься по «водопаду». Мы остановились несколько ниже, когда уже порядком стемнело, и поджидали лоцманов, они прибыли только около полуночи. Целый день нам навстречу дул сильный ветер, иначе мы ещё наверняка сегодня могли бы спуститься по «водопаду».

Мы встретили четыре судна, поднимающихся по реке. Ночь была очень светлой, но мы должны были лежать. И когда к утру 21 августа стал подниматься густой туман, который только к семи часам несколько поредел, и нам столько же и пришлось лежать.

В указанное время и мы тронулись и после пройденных трёх вёрст пути подошли к Мурскому порогу, который, как при движении вверх, так и вниз, всегда проходят у левого берега реки. Порог очень многоводен, и волны на нём не ахти сильные. Редко или совсем не видны среди них скальные выступы. Он вместе тянется к концу «водопада» (Подпорошница) около трех вёрст, и течение на нём быстрое...

*Видимо, речь идет об одном из Тунгусских восстаний против русских, которое имело место и спустя 20 лет после посещения этих мест И. Г. Гмелиным... В. П. Евстифеев.

**Возможно, этот благочестивый эконоом (пономарь-завхоз) был Федор Андреевич Страшников, который рано женился в возрасте 14 лет. Он прибыл в монастырь около 1737 года (видимо для восстановления хозяйства монастыря «разграбленного разбойниками»). Уже будучи женатым, тогда, в 1738 году, он был молодым еще человеком и имел как минимум одного сына - Панфила (около одного года по возрасту). С 1759 года Федор Андреевич Страшников - первый священник только что открытой Чадобской Спасской церкви, отец двенадцати детей, восьмерых сыновей и четверых дочерей. Шесть из сыновей по состоянию на 1764 год отец обучил грамоте словесно-рописной. Дочерей замуж выдал женихам от Рыбного села до Илимского острова. Он же - родоначальник Чадобско-Енисейской династии Страшниковых. В. П. Евстифеев.

D. Johann Georg Gmelin,

der Chemie und Kräuterwissenschaft auf der hohen
Schule zu Tübingen öffentlichen Lehrers,

Reise

durch

Sibirien,

von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740.

Dritter Theil.

---

mit Römisch Kayserl. auch Königl. Pohl. und
Churf. Sächs. allergnädigsten *Privilegiir.*

G ö t t i n g e n,
verlegt Abram Wandenhoecks seel. Wittve, 1752.

Hauptfluß, der zur linken Seite der Insel ist, eine so
seichte Schiwera hat, welche man nicht einmahl mit Räh-
nen befahren kann, weswegen sie auch den Zuntamen
Gluchaja Schiwera (steinigter Grund ohne Ausgang)
bekommen hat. Weil es nicht allzuhelle war, hätten wir